

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Токвиль и Вторая империя

(К истории написания «Старого порядка»)

Токвиль как историк и его труд «Старый порядок и революция» вызывают разную оценку. Его чрезвычайно высоко ставил не только Н. И. Кареев, что можно объяснить, в общем, буржуазно-либеральным характером его взглядов, но и блестящий, прогрессивный историк революции в XX в. Жорж Лефевр¹. Наиболее спорный тезис в книге Токвиля о росте мелкой крестьянской собственности до революции поддерживал П. Кропоткин и такой авторитетный советский специалист по аграрной истории Франции, как С. Д. Сказкин. Однако в советской историографии была высказана и противоположная точка зрения. Так, М. А. Алпатов характеризует Токвиля как чисто «дворянского историка», «выразителя чаяний французского дворянства XIX в.». Он считает, что революция, по Токвилю, «принесла Франции тяжелый вред», а ее результаты «были только отрицательные». Вся книга явилась «полным перенесением на историческую почву излюбленных идей Токвиля о дворянстве и буржуазии... В «Старом порядке» дворянские мотивы Токвиля не только сохранились, но еще более усилились»².

Новейшую интерпретацию работы Токвиля дает Франсуа Фюре. Он считает себя последователем Токвиля, «которому он многим обязан»³. Но основную идею Токвиля он видит только в доказательстве преемственности (continuité), непрерывной связи между старым порядком и революцией. «Вовсе не являясь разрывом (rupture), она может быть понята только как историческая непрерывность»⁴. Она только завершает дело монархии: «Французское общество при Луи-Филиппе больше всего напоминает

нам французское общество при Людовике XVI»⁵. В этом и только в этом видит Фюре заслугу Токвиля.

Оспаривать дворянские и роялистские симпатии графа Алексиса де Токвиля было бы совершенно неосновательно. Они устойчиво у него сохранялись и явно видны в «Старом порядке». «Навсегда останется заслуживающим сожаления то обстоятельство, — писал он в главе «Своеобразная свобода, встречавшаяся при старом порядке», — что вместо того, чтобы подчинить дворянство господству законов, совершенно уничтожили его и вырвали с корнем. Этот акт липил нацию одного из необходимых элементов ее существа и нанес свободе такую рану, которая никогда не заживет. Класс, столько веков шедший во главе общества, в этом продолжительном обладании неоспоримым величием приобрел известную гордость души, естественную уверенность в своих силах и привычку быть предметом общего внимания, — привычку, делавшую его точкой наибольшего сопротивления в общественном организме. Дворянство не только в своей среде воспитывает мужественные нравы, но своим примером усиливает их также в других классах. Его уничтожение обессиливает всех, не исключая и его врагов»⁶. Правда, — и это очень важно — Токвиль тут же добавляет, что «исчезнувшее дворянство... никогда не возродится. Оно может возратить себе титулы и земли, но не души своих предков» — но это, конечно, не умаляет его явно аристократических симпатий.

Достаточно ли этого для столь категорической оценки Токвиля и его труда? Можно ли отрицать значение «Старого порядка» как серьезного исторического исследования? Исчерпывался ли идейный мир Токвиля этими дворянскими симпатиями?

Мы не собираемся давать здесь оценку политических и социальных идей Токвиля — вопрос, вызвавший и вызывающий продолжительную и сложную полемику⁷. Мы ставим перед собой несравненно более узкую и скромную задачу — обрисовать ту обстановку, в которой Токвиль приступил к работе над своей книгой, выяснить ее пред-

¹ Lefebvre G. A propos de Tocqueville. — Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1955, p. 141.

² Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949, с. 12.

³ Le Nouvel observateur, 1978, N 732, p. 128 (La révolution et ses fantômes. Беседа с Ф. Фюре).

⁴ Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978, p. 29.

⁵ Ibid., p. 41.

Tocqueville A. de. L'Ancien régime et la révolution. Introduction par G. Lefebvre. — In: Tocqueville A. de. Oeuvres complètes/Sous la direction de J.-P. Mayer. Paris, 1952, т. II. p. 170 (рус. пер.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пр., 1948, с. 94)

⁷ Geiss J. Tocqueville und das Zeitalter der Revolution. München, 1972.

варительный план и те соображения, которые его побудили изменить этот план. Эта предыстория «Старого порядка», как нам представляется, имеет важнейшее значение и для понимания идеи книги, и для оценки ее автора.

«Старый порядок», как хорошо известно, не был первым произведением Токвиля. В 1831 г. еще молодой Токвиль вместе со своим другом, графом Гюставом де Бомоном, был направлен в Соединенные Штаты для изучения проведенных там реформ в тюремном режиме (введение отдельных камер). Друзья — Бомон до конца жизни Токвиля оставался его ближайшим другом и политическим единомышленником — пробыли в Штатах всего лишь восемь месяцев, но в результате этого короткого пребывания появилась не только совместная работа о тюремной системе в Америке, но и знаменитая книга Токвиля «О демократии в Америке». Эта книга, вышедшая в 1835 г., сразу принесла 30-летнему Токвилю и широкую известность и избрание членом Академии моральных и политических наук (в 1840 г., после издания второго тома «Демократии», Токвиль стал и членом института). Об успехе книги свидетель-

ствует отзыв, услышанный тогда же, в 1835 г., Александром Тургеневым (братом известного декабриста Николая Тургенева) от самого Талейрана. «Талейран, — писал А. Тургенев в своей «Хронике русского», опубликованной в пушкинском «Современнике» и отредактированной А. С. Пушкиным, — называет его (Токвиля) книгу умнейшей и примечательнейшей книгой нашего времени»⁸. Руайе-Коллар, виднейший французский либерал этой эпохи, прочитав книгу, заявил, что «после Монтескье не появлялось ничего подобного»⁹. Повторяем, мы не собираемся вдаваться в анализ идей Токвиля, изложенных в этой книге, отметим лишь, что он сумел в ней проявить несомненную проницательность и дальновидность.

Об этом можно судить хотя бы по одному его предвидению о предстоящих судьбах России и Соединенных Штатов: «На земле, — писал он, — существуют сейчас два народа, которые, начав по-разному, устремляются сейчас к общей цели: это русские и англо-американцы... Все другие народы как будто бы достигли пределов, которые отвела им природа, и должны только сохраняться, но эти народы еще на стадии роста; только они легким и быстрым шагом продвигаются на ристалище (*dans une carrière*), границы которого не видны еще глазу... Их отправные точки неодинаковы, их пути различны; тем не менее каждый из них как будто бы призван по тайному замыслу providения держать когда-нибудь в своих руках судьбы половины мира»¹⁰. Такое пророчество в 1835 г., почти полтора века назад, о будущем тогда крепостнической России и рабовладельческих Штатов мог сделать только человек смелой и оригинальной мысли. Достаточно вспомнить, с каким нескрываемым скептицизмом писал об Америке немногим позднее в «Мартине Чезльвите» Чарлз Диккенс, посетивший американский Запад, и то, что писал в 1839 г. о России Николая I маркиз де Кюстин.

⁸ Тургенев А. И. Хроника русского: Дневник. М., 1964. с. 73.

⁹ Кареев Н. И. Историки французской революции, т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924, с. 9. Умеренный консерватор, но умный человек граф П. А. Валуев, министр внутренних дел, писал в своем дневнике в 1861 г.: «Читаю *oeuvres postumes de Tocqueville* (посмертные произведения Токвиля. — В. Д.). Когда у нас будут так писать? Когда у нас будут свои Токвили?» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, т. 1, с. 76).

¹⁰ *Tocqueville A. de De la démocratie en Amérique*. 13e éd. Paris, 1850, p. 504—505.

В 1839 г. Токвиль был избран во французский парламент. Но почти десятилетнее его пребывание там вплоть до революции 1848 г. не приумножило его известности: слабый оратор, он почти ничем себя не проявил, кроме речи в январе 1848 г., в которой предсказал приближение революции. После февраля он безраздельно примкнул к контрреволюционному собственническому блоку. В своих «Воспоминаниях» (написанных в 1852 г., но опубликованных, согласно его завещанию, только полвека спустя, в 1893 г.) он писал: «Я все время считал, что движение февральской революции... можно остановить только сражением в Париже...; было жетательно дать это сражение при первом же случае»¹¹.

Все же в июньские дни в его поведении была одна особенность, очень важная для понимания его дальнейшей судьбы, — он голосовал в Учредительном собрании против введения осадного положения. «Я делал это скорее по инстинкту, — объяснял он в «Воспоминаниях», — чем по размышлению. Я по натуре своей отношусь с таким презрением и с таким великим ужасом к военной тирании, что эти чувства вызывают целую бурю в моей душе, когда при мне начинают говорить об осадном положении, — и они подавляют даже сознание нависшей опасности»¹². Правда, он писал об этом своем голосовании как об «ошибке, которая, к счастью, нашла мало подражателей».

Как бы то ни было, после июньских дней в позиции Токвиля наступил перелом: «Я, — писал он в «Воспоминаниях», — ненавидевший монтаньяров и не дороживший республикой, но обожавший свободу, на следующий же день после июньской победы стал сильно опасаться за судьбы последней»¹³.

Для изучения его дальнейшего поведения мы располагаем превосходным первоисточником — перепиской между Токвилем и тем же его ближайшим другом Гюставом де Бомоном¹⁴, избранным в Законодательное собрание,

бывшим одно время послом Второй республики в Лондоне, а затем в Вене, целиком разделявшим политические взгляды Токвиля. По этой переписке иногда неделя за неделей можно проследить все перипетии политических столкновений во Франции этого времени и позицию, которую занимал Токвиль.

Еще в августе 1848 г. обстановка казалась Токвилю совершенно ясной — он был убежден, что на предстоящих в декабре президентских выборах республиканский кандидат, июньский победитель генерал Кавеньяк будет избран. «Все предвещают, — писал он Бомону 22 августа 1848 г., — что Кавеньяк будет избран без всяких затруднений»¹⁵. Но уже в сентябре одновременное избрание принца Луи-Наполеона на дополнительных выборах в Париже и в пяти департаментах вселяет в него величайшие опасения: «Луи-Наполеон для нас и для республики стал самой большой и самой постоянной опасностью»¹⁶. Чем дальше, тем сильнее становилась тревога Токвиля. «Что мне кажется самым страшным, это быстрое падение популярности Кавеньяка», — писал он Бомону 24 сентября 1848 г. (61). С присущей ему пронизательностью он подчеркивал в письме от 20 октября: «Я должен вам признаться, что считаю избрание Бонапарта весьма возможным» (*extrêmement probable* — 71). «Мне бы не хотелось, — пишет он неделю спустя, 27 октября, — чтобы вы считали меня дурным предсказателем. Но что же вы хотите — это мои подлинные чувства. Я по-прежнему испытываю великую тревогу (*grande peur*), и она увеличивается вместо того, чтобы уменьшаться... Все, включая *растущее увлечение крестьян* (курсив наш. — Токвилю нельзя отказать в трезвой наблюдательности. — В. Д.), дает основания для тревоги» (79—80). «Не нужно заблуждаться, — констатирует он 4 ноября, — кандидатура Луи-Наполеона на чистом французском языке означает „Долой республику“» (86).

«Вы не можете себе представить, — сообщает он 10 ноября в Лондон, где Бомон стал послом, — до какой степени стала не популярна республика за последние три месяца» (92). И даже после того, как частичные выборы в конце ноября оказались благоприятными для республиканцев, пессимизм не оставляет Токвиля. «Несмотря на это, — пишет он 3 декабря, — я придерживаюсь твер-

¹⁵ *Ibid.*, vol. 2, p. 31. Дальше указания страниц по этому второму выпуску VIII тома даются в скобках в тексте.

¹⁶ *Tocqueville A. de. Souvenirs...*, p. 229.

¹¹ *Tocqueville A. de. Souvenirs.* Paris, 1893 (рус. пер. см. в кн.: Революция 1848 г. во Франции в воспоминаниях современников. М., 1934, с. 494).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Gustave de Beaumont.* — In: *Tocqueville A. de. Oeuvres complètes.* Paris, 1967, vol. VIII. Том разделен на три части. Переписка за 1848—1851 гг. входит в состав второго выпуска VIII тома, подготовленного Андре Жарденом.

до, как скала, той же печальной мысли, что мы потерпим поражение, этой мыслью, впрочем, я ни с кем не делюсь» (114). Через пять дней, 8 декабря, он повторяет свое предсказание: «Как я вам много раз писал, более чем вероятно, что мы очутимся перед лицом президентства принца Луи-Наполеона. Мое намерение в том случае, если это произойдет, уйти в отставку» (115).

Выборы 10 декабря вполне подтвердили этот печальный прогноз. Луи-Наполеон был избран огромным большинством. «Хотя я и ожидал неблагоприятного результата для Кавеньяка,— реагировал на эти выборы Бомон 14 декабря,— я не предполагал, что он окажется столь ошеломительно благоприятным для Луи-Наполеона» (118).

* * *

Токвиль не осуществил, однако, своего намерения уйти в отставку. Более того, 2 июня 1849 г. в кабинет Одилона Барро, который был «первым и последним *парламентским министром*, созданным Бонапартом»¹⁷, он вошел в качестве министра иностранных дел. Бомон был назначен послом в важнейший тогда центр европейской континентальной политики — в Вену. Кабинет Барро — Токвиля был попыткой компромисса: умеренно-конституционные круги в собрании надеялись удержать Луи-Наполеона в рамках существующего строя, а президент после демонстрации Горы 13 июня не хотел, вероятно, сразу обострять свои отношения с собранием.

Но компромисс длился очень недолго, всего лишь около четырех месяцев, до октября 1849 г. Давая свои объяснения в палате по поводу французской военной интервенции в Риме для защиты папы, правительство, как показалось Луи-Наполеону, оставило его совершенно в тени. Президент ответил на это «маленьким переворотом» — он дал отставку кабинету. Токвиль объяснял этот шаг стремлением Луи-Наполеона создать впечатление, что он сам управляет, и «страхом, что его хотят оставить в тени, с тем чтобы страна постепенно потеряла его из виду» (232).

Отстранение правительства Барро, пользовавшегося полной поддержкой большинства собрания, было, конечно, со стороны президента вызовом, объявлением войны. «Но он вовсе не боится войны с собранием,— объяснял

Токвиль,— он к ней стремится; он ищет случая унизить его и показать всей Франции, что он гораздо сильнее собрания» (234).

Тем не менее Токвиль не ожидал еще немедленных дальнейших шагов Луи-Наполеона к установлению авторитарного режима — империи. В письме к Бомону от 4 ноября 1849 г. он дал очень тонкий психологический портрет Луи-Наполеона (кстати, лично к Токвилю президент относился с большим уважением): «Я достаточно хорошо изучил президента. Это человек с навязчивой идеей, который откажется от мысли об империи только при последнем вздохе; он смел до опрометчивости и безумия, но в то же время он апатичен; он никогда не делает двух усилий сразу. Он тешит свое самолюбие, считая, что унижил собрание и всех руководителей партий и значительно возвысил себя в глазах Франции. Пока что ему этого достаточно. Он этим будет довольствоваться некоторое время, пока не возникнет нового повода для того, чтобы он перепрыгнул через пропасть. Но то, что верно по отношению к нему, неверно по отношению к его окружению. Там только и живут мыслью о выступлении. Если я правильно осведомлен, вокруг него собирают всех людей действия (*hommes de main*), создают новое общество десятого декабря, одним словом, готовятся к войне» (233).

В письме от 23 ноября Токвиль дополняет эту свою характеристику, преисполненную презрения по отношению к Луи-Наполеону. «...Хотя у президента в сердце и в голове есть некоторые не всем присущие черты, это самый жалкий заговорщик, который когда-либо предстал перед лицом нации... После того как ею руководили самые великие люди новейшего времени, мы готовы сейчас броситься в объятия самого слабого и посредственного завоевателя» (252). «Актер явно не подходит к роли, и вокруг него еще более посредственные скоморохи, и тем не менее у него большие возможности для того, чтобы спектакль удался» (251), — таков печальный и полностью сбывшийся прогноз Токвиля в конце 1849 г.

У него не было также никаких иллюзий в отношении большинства и в собрании и в стране. Пусть они и боятся империи, но «еще меньше они любят республику и в особенности боятся дать доступ красным. Чтобы избежать их, они готовы броситься в объятия дьявола» (234).

После своей отставки разочарованный Токвиль, у которого появились первые признаки болезни — туберку-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 157.

лез легких, так рано сведший его в могилу (1859 г.),— на долгие месяцы берет отпуск в палате депутатов и уезжает лечиться в Италию, в Сорренто. Он пишет там свои «Воспоминания», обдумывает другие планы, к которым мы еще вернемся, но в то же время жадно следит за политической обстановкой, за надвигающимся решающим конфликтом между президентом и собранием, конфликтом, приближающим Вторую республику к гибели. Этого он опасается больше всего, хотя и ощущает парадоксальность своей позиции: «Это не слишком соответствует нашим позициям и нашему прошлому; мы превратились в защитников республики после того, как были ею побеждены, мы вынуждены ее защищать против большинства страны, потому что в основе всего сейчас республика, которой угрожает опасность» (116). «Крестьяне (*les cultivateurs*) не верят в республику и боятся ее,— пишет он 9 сентября 1850 г.,— средние классы от нее в ужасе, а высшие классы принимают ее только на худой конец (*un pis-aller*) в ожидании лучшего» (295) — этому классовому анализу Токвиля нельзя отказать в ясности.

Все ушащающиеся «булавочные» уколы собранию со стороны Луи-Наполеона все больше убеждают Токвиля, что решающий конфликт надвигается: «Отношения между ним и собранием таковы, что они не могут так долго продолжаться, и вскоре появится повод, который побудит его отделаться от собрания». Токвиль, конечно, на стороне собрания, но он ясно видит главную опасность — нарастающую изоляцию собрания: «Вожди парламента впадают в иллюзию по поводу силы своего влияния в стране» (310).

После удаления президентом с поста командующего национальной гвардией генерала Шангарнье, на которого больше всего рассчитывало собрание, Токвиль поддерживает оказанное парламентом сопротивление — «отступить здесь значило погибнуть» (*reculer ici, c'était mourir* — 368). Но он ясно отдает себе отчет во все более меняющемся соотношении сил: «Собрание находит слабую поддержку в стране...; оно многое потеряло... Вот почему я считаю и непрерывно об этом твержу, что шансы на будущее за ним... (Луи-Наполеоном — В. Д.). Общим явлением мне кажется движение нации от свободы в сторону концентрации и постоянства власти... Меня не успокаивает, что претендент заурядный и неполноценный человек. Не он ведет, его несут к власти. Карлик на гребне огромной волны

может достигнуть вершины скалы. Я убежден, что реальная сила,— писал Токвиль 29 января 1851 г.,— на стороне президента» (369). Собрание потеряло «моральную силу в стране» (416).

Эта трезвая оценка соотношения сил, ясное понимание опасности все надвигающегося «президентского триумфа» побудили Токвиля выступить в защиту компромисса. В 1852 г. предстояли новые президентские выборы. По конституции 1848 г. переизбрание президента воспрещалось. Но было совершенно очевидно, что Луи-Наполеон и все его окружение, все «общество 10 декабря» ни за что не согласятся на добровольный отказ от власти и доходов. Токвиль высказался поэтому за пересмотр конституции с тем, чтобы предусмотреть возможность переизбрания. Он доказывал, что умеренные республиканцы от этого выигрывают: «Президент не усилится от этого продления полномочий, и после нового четырехлетнего срока у него будет еще меньше возможностей, чем теперь, стать императором, между тем население привыкнет к республике» (294—295). Такие аргументы Токвиль выдвинул еще в сентябре 1850 г., но при этом тут же меланхолически заметил: «Увы, не разум, а страсти ведут мир» (250). Токвиль был чужд иллюзиям. Он считал «почти утопическим» возврат Луи-Наполеона к разумной и мирной политике. «Уже давно продолжается авантюристическая политика: она сейчас более ярко выражена, чем когда-либо. Является ли она необратимой? Это точно нельзя сказать, зная характер человека» (393). Но такую попытку апелляции к «разуму» Токвиль считал все же совершенно необходимой.

Он вернулся в Париж и, несмотря на всю свою нелюбовь к парламентским процедурам, вошел в комиссию по вопросу о пересмотре конституции и выступил даже от ее имени с докладом. Предложение о пересмотре собрало большинство, но относительноное, тогда как по конституции решение о ее пересмотре требовало большинства в две трети собрания. Компромисс отпал — конфликт в этих условиях становился неизбежным. Правда, Бомон был настроен более оптимистически. Он предполагал, что произойдут стычки, но «в серьезный кризис никто не верит; все считают, что он отсрочен», в 1851 г. не предвидится «никакого насильственного кризиса» (323). Однако Токвиль, учитывая настроения в стране, смотрел на все гораздо более трезво. «Страх перед красными, с одной сто-

роны, ненависть к Орлеанам — с другой, подталкивают к нему с такой силой, — писал он 22 октября 1851 г., — что в конце концов этот результат станет неизбежным. Я убежден поэтому больше, чем когда-либо, в триумфе президента не благодаря тому, что он делает... а вопреки всему, что бы он ни делал» (417). У Токвиля было чрезвычайно мрачное настроение: «Иногда, когда я разговариваю, мне кажется, что я прогуливаюсь в сумасшедшем доме» (410). Со всей силой убежденности он писал 14 сентября 1851 г. в предвидении неизбежного кризиса: «У меня есть только одно твердое намерение, которому я всегда буду следовать: добиться того, чтобы в результате этого кризиса победили наши свободы или погибнуть вместе с ними. Все остальное имеет только второстепенное значение. Но это вопрос жизни и смерти» (408). Намерениям Токвиля нельзя отказать ни в решительности, ни в благородстве!

* * *

Ждать оставалось недолго. 2 декабря 1851 г. государственный переворот, «18 брюмера Луи-Наполеона», которого так опасался и так ясно предвидел Токвиль уже с зимы 1848 г., произошел.¹⁸ Токвиль был в числе тех депутатов, которые собрались в помещении 11-го округа после роспуска собрания. Вместе с ними он подвергся кратковременному аресту. Вскоре после освобождения он покинул Париж. Он отказался принести присягу, хотя отдавал себе отчет в том, что «это продлится долго». «Зрелище этой страны меня угнетает», — писал он. Все внушает ему «отвращение, презрение, утомление». Он говорит о «внутренней эмиграции»¹⁸. «Наши свободы погибли безвозвратно. Сейчас я в этом убедился, — писал он Бомону 13 января 1852 г. — Меня охватывает такая тоска, что я готов умереть (je suis triste à mourir). Я этого опасался уже в 1848 г., сегодня я получил этому последнее доказательство... Нам больше ничего не остается делать... кроме книг»¹⁹.

Это понимание того, что при создающейся политической обстановке, единственное, что остается, — это писать книги, у Токвиля появилось еще зимой 1849/50 г. во время пребывания в Сорренто. Его письмо к Бомону по этому поводу от 26 декабря 1850 г. представляет совершенно

исключительный интерес, и мы приведем его почти дословно: «Уже давно, как вы знаете, я захвачен идеей написать новую книгу. Я сотни раз думал о том, что, если я должен оставить после себя хоть какой-нибудь след в мире, это произойдет благодаря тому, что я напишу, а не тому, что я сделаю. Я все больше и больше чувствую себя в состоянии написать книгу, даже более, чем 15 лет назад»²⁰. Как пишет Токвиль, он начал искать тему, и вот его мысли по этому поводу: «Мне нужен был современный сюжет, который дал бы мне возможность связать факты с идеями, философию истории с самой историей... Я часто думал об Империи, этом поразительном акте драмы, еще не завершённой, имя которой... Революция. Но меня всегда останавливала мысль, что я столкнусь с непреодолимыми препятствиями, а главное, что я повторю уже написанные знаменитые книги». Но после размышлений Токвиль решил, что он может пойти по иному пути — «не нужно писать историю Империи, а нужно попытаться показать и привести к пониманию характера», значения великих событий, образующих главные звенья цепи времени. Задачей книги будет не пересказ фактов, «факты будут твердой основой, на них будут опираться все имеющиеся у меня идеи не только по поводу этой эпохи, но и той, которая ей предшествовала и последовала за ней, по поводу этого необыкновенного человека и направления, которое он дал французской революции, судьбам нации и всей Европы. Можно таким образом написать очень краткую книгу в одном или двух томах, которая представит интерес и не лишена будет величия (pourrait avoir de la grandeur)... Но пока что это только облако, которое маячит перед моим воображением»²¹. Читатель, думается, на нас не посетует за эту длинную выдержку — в ней в зародыше (in pise) содержится будущая книга, и тот метод, которого будет в ней придерживаться Токвиль, метод, за который особенно ценил его Ж. Лефевр.

Так, уже зимой 1850 г. у Токвиля созрело желание писать. Но намечаемая тема книги была целиком связана с политической обстановкой. Решение стало окончательным после переворота 2 декабря, когда, по словам Бомона, «мы на три четверти оказались погребенными». Вторично повторилась ситуация 18 брюмера, и перед ясным, анали-

¹⁸ Tocqueville A. de . Correspondance..., vol. 3 (1852—1859), p. 25, 32, 41.

¹⁹ Ibid., p 14.

²⁰ «Пятнадцать лет назад» — в 1835 г. Токвиль опубликовал первый том «О демократии в Америке».

²¹ Tocqueville A. de . Correspondance..., vol. 2, p. 343—344.

тическим умом Токвиля стал острый вопрос, почему же во второй раз революция, начинавшаяся в обстановке энтузиазма и огромного морального подъема, привела все к тому же результату — установлению авторитарного режима с той лишь разницей, что в первом случае на авансцену вышел «необыкновенный человек», а во второй раз — «карлик». В первых же набросках, сделанных еще в Сорренто, он пытается поставить этот вопрос: «Каким образом и почему эта непокорная нация сама устремилась к рабству»²². В этом же наброске он характеризует внутреннюю администрацию империи: «Все гарантии устранены. Все свободы отняты. Деспотизм становится капризным. Удушающая атмосфера. Душевный упадок. Трепет и оцепенение умов. Никакой литературы. Тяжеловесное искусство (arts lourds)...»²³. Вся эта картина напоминает со всей очевидностью Францию 1850 г. и предсказывает ее будущее, если претендент добьется успеха.

В 1852 г. Токвиль покидает Париж, уезжает в свое поместье и летом того же года легко и быстро (вопреки своему обыкновению) пишет две первые главы своего будущего труда о Наполеоне. Они посвящены концу 90-х годов XVIII в. — годам Директории и подготовке 18 брюмера. Главы написаны именно так, как намечал Токвиль в Сорренто — это не описание событий, а их истолкование, не столько история, сколько ее философия. Они как бы «кровоточат» современностью, горьким опытом того, что Франция и Токвиль пережили за четыре года. Это видно уже из заголовка первой главы: «Почему Республика была готова принять господина»²⁴. Вторая глава — «Почему нация, перестав быть республиканской, оставалась революционной» — довольно глубоко, как мы сейчас увидим, освещала социальные проблемы и достижения революции²⁵.

Первая глава посвящена все тому же вопросу — почему Франция, пережившая период такого восторженного энтузиазма в 1789 г., сама устремилась к деспотизму? Нужно при этом подчеркнуть, что в этом описании 1789 г.

²² *Tocqueville A. de. L'Ancien régime et la révolution, vol. 2. Fragments et notes inédites sur la Révolution. Texte établi et annoté par André Jardin. Paris, 1953, p. 301.*

²³ *Ibid.*, p. 303.

²⁴ *Ibid.*, p. 269—282 («Comment la République était prête à recevoir un maître»).

²⁵ *Ibid.*, p. 282—293 («Comment la nation en cessant d'être républicaine était restée révolutionnaire»).

и в тех замечаниях, которые мы находим в «Старом порядке», и в тех главах, которые были подготовлены Токвилем для второго тома его труда, поражает тот восторженный тон, в котором Токвиль говорит о событиях и людях 1789 г.

«У тех французов, которые совершили революцию,— писал Токвиль позднее, в «Старом порядке»,— оставалось... одно чудное верование, недостающее нам, а именно вера в себя. Они не сомневались... в могуществе человека, они страстно воодушевлялись мыслью о его славе, они верили в добродетель. Они обладали гордой уверенностью, нередко ведущей к ошибкам, но без которой народ способен быть только рабом; они ни на минуту не сомневались в своем призвании преобразовать общество и возродить человеческий род. Эти чувства и страсти сделали для них как бы новой религией, которая отрывала этих людей от эгоизма, толкала их на героизм и самопожертвование и делала их как бы нечувствительными ко всем тем маленьким благам, которыми мы так дорожим. Я долго изучал историю и смею утверждать, что не знаю другой революции, с самого начала которой такая масса людей проявила бы подобный искренний патриотизм, столько истинного величия. Здесь нация обнаружила главный недостаток, но в то же время и главное преимущество, присущее молодости, неопытности и великодушию» (курсив наш.— В. Д.)²⁶.

Тон Токвиля, когда он говорит о 1789 г., об этом «момента морального величия, не имеющем равного в истории»²⁷, почти всегда напоминает Мишле. И тем более потрясающим казался ему моральный переворот, произошедший за десять лет, к 18 брюмера. Конечно, Токвиль при этом напряженно думал о том, что прошло на его глазах от февральских дней 1848 г., полных воодушевления, пусть и на другой классовой основе, до моральной катастрофы 1851 г. «Тем более удивительна,— писал он в 1852 г.,— эта огромная перемена в нравственных настроениях народа: столько эгоизма, следующего вслед за таким самопожертвованием, столько безразличия вслед за такой страстностью, столько боязливости вслед за таким героизмом, столько презрения к тому, что было предметом

²⁶ *Tocqueville A. de. L'Ancien régime... vol. 2, p. 207—208 (см. рус. пер., с. 129).*

²⁷ *Ibid.*, p. 130—131, note.

столь страстных желаний и так дорого стоило»²⁸. Это падение с высоты «беспредельной гордости 1789» потрясает Токвиля: «Трудно себе представить даже сегодня, в какое состояние апатии, безразличия, презрения ко всем общественным делам впали человеческие души после этого долгого, страшного и тщетного усилия»²⁹. Все эти мысли Токвиль повторил и в окончательном тексте «Старого порядка»: «1789, без сомнения, время неопытности, но вместе с тем великодушия, энтузиазма, мужества и величия, вечно памятное время, к которому взгляды людей будут всегда обращаться с восторгом и почтением, когда его очевидцы и мы сами давно уже исчезнем». Но, когда «это могучее поколение, которое начало революцию, было истреблено или впало в бессилие, как это обычно бывает с каждым поколением, предпринимаям такие деяния... растерявшаяся нация начинает как бы ошущью искать себе господина»³⁰. Токвиль почти дословно повторяет то, что он писал еще в 1852 г. Но если Франция к 1799 г. перестает быть республикой, а дух свободы уступает место безразличию и индифферентности, покорному ожиданию прихода «господина» (d'un maître), то это вовсе не значит, что она перестала быть революционной.

Вторая глава, написанная Токвилем в 1852 г., представляет собой интерес, потому что в ней дан ясный анализ того, что революция принесла широким массам и от чего они ни за что не собирались отказываться и что поэтому сохранял Наполеон. Эта глава служит как раз убедительнейшим опровержением упреков Токвилю в том, что будто бы, по его мнению, «революция принесла Франции тяжелый вред», а результаты революции «были только отрицательными». В противоположность этому Токвиль доказывает, что «низшие классы вовсе не пострадали настолько от революции, как пытаются утверждать»³¹. Заметим, что Токвиль говорит здесь о классах, анализирует их позиции. «Мне могут возразить указанием на судьбу отдельных лиц, — отвечал он на возможные упреки уже в окончательном тексте «Старого порядка» — но я говорю о

²⁸ Ibid., p. 281.

²⁹ Ibid., p. 277.

³⁰ Ibid., vol. 1, p. 247—248 (рус. пер., с. 169). «Его сегования как аристократа отступают на задний план перед лицом той пылкости, которую он проявляет, когда говорит о 1789 г.» (Lefebvre G. A propos de Tocqueville. — ANRF, 1955, p. 141).

³¹ Tocqueville A. de L'Ancien régime..., vol. 2, p. 298.

классов, только ими должна заниматься история» (je parle des classes; elles seules doivent occuper l'histoire. Курсив наш. — В. Д.)³². Можно не сомневаться, что на Токвиля — об этом говорит и Ж. Лефевр — влияли его предшественники, и в частности Гизо (влияние Гизо сказывается и на самом методе построения токвилевского труда). К тому же уроки классовой борьбы во Франции не могли пройти мимо такого внимательного наблюдателя.

Именно о классах и тех «благах», которые принесла революция как раз низшим классам (он уделяет очень мало внимания буржуазии) и говорит во второй главе Токвиль. Любопытно и, пожалуй, неожиданно, что свой анализ он начинает с рабочих (напомним, что появление полвека спустя, в начале XX столетия, исследования Е. В. Тарле о рабочем классе во время французской революции поразило всех новизной темы). Токвиль подчеркивал, что благодаря уходу на войну значительной массы рабочих и уменьшению предложения рабочей силы заработная плата заметно возросла. В этом же направлении действовало уничтожение цехов, «которое должно было увеличить зарплату и привязать к революции массу рабочих»³³. Во второй половине 90-х годов улучшению положения рабочих содействовало и снижение хлебных цен. Во всяком случае рабочие, как и те, кого называют «народ», «нашли большое облегчение среди всех этих бедствий»³⁴. В пометках к этой главе Токвиль подчеркнул необходимость обсудить свои выводы с виднейшими тогда экономистами Ипполитом Пасси и Адольфом Бланки — братом Огюста Бланки.

В еще большей степени изменилось к лучшему положение крестьян, прежде всего благодаря скушке за беспрепятство (à vil prix) конфискованных земель. В примечаниях к тексту главы Токвиль отмечает, что ему необходимо будет «попытаться установить размеры конфискаций». «Во всяком случае количество конфискованных имуществ было огромным». С каждым годом росло количество приобретателей национальных имуществ и тем самым с каждым же годом росло число «непримиримых врагов старого порядка»³⁵.

³² Ibid., vol. 1, p. 179 (рус. пер., с. 102).

³³ Ibid., vol. 2, p. 283, 297, note.

³⁴ Ibid. («... Je crois que le peuple proprement dit... avait trouvé du moins de grands soulagements parmi ses misères»).

³⁵ Ibid., p. 283.

Обогащению крестьян содействовало — мы цитируем Токвиля — и уничтожение всяческих повинностей — церковной десятины, феодальных прав, соляной подати (*gabelle*). дорожной повинности (*la corvée*), подушного налога. Токвиль вспоминает, что, когда в 1831 г. он посетил Канаду, французские поселенцы все еще с ненавистью говорили об этом подушном налоге (*la taille*), «синониме нищеты и бедствий»³⁶. Токвиль и здесь отмечает, что ему нужно будет выяснить, хотя бы приблизительно, размеры этих повинностей (задача, которую ставят и сейчас перед собой историки, в том числе и А. Собуль!).

Положение земледельцев значительно улучшилось и потому, что они оплачивали и свои долги, и арендную плату в ассигнатах, в «мнимых деньгах» (*monnaie fictive*), и вообще почти прекратили уплату и налогов. Деревня богатеет за счет города благодаря повышению цен на хлеб. Токвиль ссылается на Малле дю Пана: «Мешок зерна возмещает фермеру всю вносимую им арендную плату; крестьяне стали расчетливыми скупщиками, они соперничают между собой из-за покупки земель эмигрантов и не платят никаких налогов»³⁷. Токвиль приводит замечание одного немецкого путешественника тех лет, Майстера: «Подлинной аристократией во Франции... стала аристократия фермеров и крестьян»³⁸.

В этой главе содержится и одно замечание, которое позднее подробно было развито в «Старом порядке», — о роли мелкой крестьянской собственности в предреволюционной Франции: «Теперь известно, что во многих провинциях Франции число мелких крестьянских собственников еще до 1789 г. было уже довольно значительным». Токвиль тут же сделал для себя пометку: «Если возможно, выяснить этот вопрос и привести мои доказательства»³⁹. По мнению оппонентов Токвиля, именно это его утверждение свидетельствует о дворянских симпатиях историка, сознательно отрицавшего решающее значение революции для создания во Франции мелкой крестьянской собственности. Но так ли это?

Мы только что убедились в том, что Токвиль превосходно понимал все крупнейшие выгоды, которые принесла революция французской деревне. Констатация более зна-

чительной роли мелкой крестьянской собственности накануне революции продиктована была отнюдь не консервативными политическими взглядами, она вытекала из научного анализа имевшихся в его распоряжении сведений и документов. Именно так оценивал точку зрения Токвиля крупнейший советский знаток аграрной истории Франции С. Д. Сказкин. Он считал, что к этому выводу Токвиля привело внимательное изучение «системы дореволюционных поземельных отношений». В первую очередь А. Токвиль обратил внимание на тот факт, что такие документы революции, как деревенские наказания в Генеральные штаты 1789 г., полны упоминаний о мелких собственниках. Это обстоятельство позволило А. Токвилю утверждать в его работе «Старый порядок и революция» (теперь мы можем добавить, что это сделано было уже в первом варианте 1852 г. — В. Д.), что обычное представление, будто мелкая крестьянская собственность была создана во Франции только Великой революцией, не верно: мелкая крестьянская собственность существовала во Франции и до революции: «... революция не создала, а лишь освободила мелкую собственность»⁴⁰.

Более 120 лет идет спор по вопросу, поставленному Токвилем. Такие авторитетнейшие историки, как И. В. Луничский, Ж. Лефевр, такие советские специалисты, как Н. М. Лукин и С. Д. Сказкин, считали, что мнение Токвиля было вполне обосновано и нашло свое подтверждение в архивных материалах. Во всяком случае этот вопрос, требующий серьезного научного исследования, вызван отнюдь не политическими симпатиями и вовсе не стремлением умалить историческое значение Великой революции.

Таково было и отношение к позиции Токвиля со стороны П. А. Кропоткина, которого никак уж нельзя заподозрить в консервативных симпатиях. «Если историки великой революции, — писал он, — вполне правы, когда рисуют в самых мрачных красках положение крестьянства, было бы ошибочно утверждать, что другие историки, например Токвиль, ошибаются, когда говорят об улучшении положения деревенского населения. В действительности в деревнях наблюдалось двойное явление — обеднения крестьян

³⁶ Ibid., p. 284.

³⁷ Ibid., p. 286.

³⁸ Ibid., p. 234 и 286.

³⁹ Ibid., p. 285, note B.

⁴⁰ Сказкин С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII в. — В кн.: Европа в новое и новейшее время: Памяти Н. М. Лукина. М., 1966, с. 104.

Янской массы и улучшения положения некоторых из крестьян»⁴¹.

Анализ этого первого варианта «Старого порядка» показывает, насколько неосновательно утверждение, будто бы, по мнению Токвиля, ликвидация дворянства была «роковым ударом для страны», «несомненным шагом назад по сравнению с обществом феодальной Франции»⁴².

Токвиль делал в действительности прямо противоположный вывод: «Некоторые умные люди предприняли попытку реабилитации старого порядка... Между тем я вижу, что на протяжении всей этой столь гнетущей и страшной революции ненависть к старому порядку всегда преобладала в сердцах французов над ненавистью ко всему остальному. Страх возвращения к старому порядку в подвижных и динамичных умах всегда подавлял какие бы то ни было другие опасения. Для меня этого достаточно. Для меня испытание уже имело место, и эта система осуждена»⁴³. Это заявление совершенно ясно показывает, что Токвиль, при всех своих семейных традициях и симпатиях, вовсе не был «выразителем чаяний французского дворянства XIX в.».

Из анализа даже этих двух глав — эмбриона будущей книги — явственно видно, что Токвиль начинал свой труд вовсе не из желания принизить значение революции, доказать, что она не принесла никаких положительных результатов. Совсем не так: очевидец и современник катастрофы 1851 г., он ставил перед собой совсем другую задачу: он пытался объяснить трагический исход еще более великой революции, революции 1789 г. и вместе с тем показать, что, перестав быть республиканской, Франция, и как раз крестьянская Франция, цепко продолжала держаться за свои социальные завоевания.

Но именно этого значения труда Токвиля не понимает и не признает Ф. Фюре. Он выражает удивление по поводу того, что вторая книга «Старого порядка» начинается главой о феодальных пережитках во французской деревне и заканчивается тоже описанием «деревенского мира» (гл. XII): «Как будто бы эта тема заслуживает того, чтобы ею

обрамлять весь общий анализ. На этот вопрос я не нахожу ясного ответа»⁴⁴. Но это непонимание естественно вытекает из идеи Фюре — о чем мы еще скажем ниже, — что «старый порядок» фактически уже не существовал во Франции ко времени революции. Именно поэтому Фюре совершенно расходится с Токвилем в определении той роли, которую играли крестьянство и борьба за уничтожение сеньориальных отношений во французской революции. С этим связано обвинение Токвиля в том, что в области экономики он «остаётся всегда очень поверхностным и распыленным... все его изображения крестьянской жизни характеризуются полным незнанием технических условий деревенской экономики»⁴⁵. Вообще, по мнению Фюре, экономическая эволюция Франции у Токвиля сводится к «неясным абстракциям... т. е. по существу... игнорируется». Но это мнение Фюре резко расходится с оценкой Лефевра; оно свидетельствует только об односторонности Фюре, о его предвзятом подходе. Он обедняет Токвиля, отрицает его несомненные заслуги в понимании социальной истории французской революции.

* * *

Легко и быстро были написаны только две первые главы. Но мы уже видели, сколько дополнительных исследований намечал для себя Токвиль в одной лишь социально-экономической области. Но столь же много неясного было и в политической области. Токвиль, по его собственному признанию, полагал, что административная централизация Франции была делом Наполеона и империи, но постепенно у него появляются сомнения. Он прерывает свою работу над «Наполеоном», поселяется недалеко от Тура и начинает розыски в архиве Тура, центре департамента Эндр-и-Луары, старого административного округа (généralité). Он настолько еще неопытен в архивных исследованиях, что сперва, по воспоминаниям архивиста Шарля Гранмезона, хотел изучить все дела администрации, начиная с Людовика XI⁴⁶, и, только следуя советам опытного архивиста, ограничился одним лишь XVIII в., отдав

⁴¹ Кропоткин П. А. Великая французская революция. М., 1979, с. 18.

⁴² Алпатов М. А. Указ. соч., с. 160—162. Нужно отметить, что книга М. А. Алпатова вышла в 1949 г., и второй том «Старого порядка», вышедший в 1953 г., был ему еще неизвестен.

⁴³ Tocqueville A. de. Ancien régime..., vol. 2, p. 287.

⁴⁴ Furet F. Penser la Révolution française, p. 184.

⁴⁵ Ibid., p. 187, 192.

⁴⁶ Jardin A. Note critique.— In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 2, p. 15—16.

себе отчет в том, что и этого достаточно на целую книгу. Для Токвиля становится ясным, что книгу о Наполеоне нельзя начинать с 1799 г., что начинать нужно с французской революции, а чтобы понять ее, следует прежде всего исследовать старый порядок. В декабре 1852 г. он сделал запись: «Я возвращаю в национальную библиотеку мемуары Тибодо о консульстве, не прочитав их; нужно будет ими заняться, когда я вернусь к этому периоду»⁴⁷. В сентябре того же года он писал одной из своих корреспонденток: «Я еще не знаю, какое избрать направление в океане французской революции»⁴⁸. Но когда Токвиль начал работу в Турском архиве, он, по-видимому, уже склонялся к решению отказаться от своего первоначального плана, навеянного подготовкой и осуществлением второго «18 брюмера». В конце 1853 — начале 1854 г. он уже твердо решает писать «Старый порядок».

Но том выходит только в 1856 г. Чрезвычайно требовательный к себе Токвиль собирает обширнейший материал. В книге о «Демократии в Америке» он был еще только «социологом», по определению Лефевра, но в «Старом порядке» Токвиль выступает как «подлинный историк»⁴⁹. Он изучает фонды в Национальном архиве, в Национальной библиотеке. Он не довольствуется архивными фондами Тура, он работает и в других провинциальных архивах. Чтобы разобраться в аграрных отношениях, он изучает труды февдистов XVIII в., в частности Фременвилля, которого когда-то внимательно читал Бабеф. По собственному сообщению Токвиля, он «видел описи сеньорий (terriers) XIV в.»⁵⁰ и сравнивал их с позднейшими описями; он изучал акты о распродаже национальных имуществ, документы провинциальной администрации (в частности, его очень заинтересовала деятельность Тюрго как интенданта). В общем, по мнению Н. Кареева, он был первым из историков революции, который начал поиски «в глубине архивов».

В связи с тем что Токвиль считал необходимым осветить влияние революции на другие европейские страны, он вступает в переписку с Л. Ранке и предпринимает поездку

⁴⁷ Ibid., p. 15.

⁴⁸ Ibid., p. 19, n. 6.

⁴⁹ Lefebvre G. Introduction. — In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 1, p. 17.

⁵⁰ Tocqueville A. de L'Ancien régime..., vol. 1, p. 92.

в Бонн⁵¹. Когда он узнает о существовании в Британском музее огромной коллекции брошюр эпохи французской революции (чуть ли не 12 тыс. единиц — позднее их изучал Кропоткин), он отправляется в 1857 г. — меньше чем за два года до своей кончины — в Лондон. Коллекция оказывается неопианной и пользование ею невозможно, но зато в архиве министерства иностранных дел ему как высокопоставленному гостю — бывшему министру иностранных дел соседней державы — дали возможность изучить донесения британских дипломатов за 1789 г. — правда, и они показались Токвилю мало интересными. Когда в 1856 г. появился каталог парижской Национальной библиотеки и ее сокровища стали доступными, Токвиль договаривается о том, что ему будут выдавать на просмотр и «каждые три дня» он «пожирал по 50 брошюр»⁵². В марте 1858 г. — за год до смерти — он приезжает в Париж, изучает там материалы Учредительного собрания, переписку Байи и Лафайета. Он делает множество записей, составляет прилежно досье — он жалуется своему другу Амперу, что «эта гора заметок его подавляет»⁵³. Никак нельзя согласиться с тем, что эта книга была «простым перенесением на историческую почву излюбленных идей Токвиля о дворянстве и буржуазии». Если бы это было так, ему не понадобилось бы столько лет упорного, напряженного труда.

Н. И. Кареев, которому никак нельзя отказать в преемственном знакомстве с трудами историков Великой французской революции, считал, что «появление в середине пятидесятых годов „Старого порядка и революции“ составляет целую эпоху в историографии французской революции: ее прямо можно разделить на дотоквилевский и послетоквилевский периоды»⁵⁴. Возможно и более чем вероятно, что Кареев преувеличивает. Но и такой замечательный историк и глубоко прогрессивный человек, как Жорж Лефевр, ясно видевший все аристократические симпатии Токвиля, постоянно подчеркивавший наличие у

⁵¹ См.: Seidel K. J. Tocqueville's Forschungs Aufenthalt in Bonn, 1854. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte von «L'Ancien régime et la Révolution». — Rheinische Vierteljahrsblätter, 1977, N 41, S. 289—297. (Любезно сообщено С. В. Оболенской.)

⁵² Jardin A. Op. cit., p. 22.

⁵³ Lefebvre G. Introduction. — In: Tocqueville A. de. L'Ancien régime..., vol. 1, p. 19.

⁵⁴ Кареев Н. И. Указ. соч., т. 2, с. 6.

него противоречия между «сердцем», преисполненным дворянскими, семейными связями и традициями, и «разумом», выведившим его за эти классовые рамки, считал книгу Токвиля «самым прекрасным произведением из всех, которые были написаны о французской революции», «синтезом, вызывающим восхищение историка». Думается, что это определение, в чем-то и преувеличенное, все же ближе к истине, чем определение книги Токвиля как «призыва к совместному походу буржуазии и дворянства против общего врага».

К книге Токвиля вполне применимо то, что писал Ф. Энгельс Маргарет Гаркнесс по поводу Бальзака: «Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение — нескончаемая элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; все его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание». И все же «Человеческая комедия» вызвала величайшее восхищение Энгельса. В том, что «Бальзак таким образом вынужден был идти против своих собственных классовых симпатий», он видел «одну из величайших побед реализма и одну из величайших черт старого Бальзака»⁵⁵. Конечно, аналогия между Бальзаком и Токвилем является очень условной, но этот энгельсовский подход противоречит одностороннему, явно недостаточному определению Токвиля как «дворянского» историка. Конечно, Алексис де Токвиль был графом, и это всегда на нем сказывалось, но при всей классовой ограниченности он проявил себя как серьезный историк, как глубокий исследователь, и его «Старый порядок» вовсе не был только политическим памфлетом. Но понять историю происхождения этой книги никак нельзя, если не вспомнить обо всем, что происходило во Франции между июнем 1848 г. и 2 декабря 1851 г.

Некоторые тематически связанные материалы

работы о Токвиле и ссылки на его тексты:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 37,